

Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда: Изд-во Вологодского гос. пед. ун-та, 1983–2007; **Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (республики Мордовия).** Т. 1–8. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1978–2006; **Словарь смоленских говоров.** Вып. 1–11. Смоленск: СГПИ (СГПУ), 1974–2005.

Развитие славянской (в том числе и русской) диалектологии и региональной лексикографии в послевоенное время во многом определялось монументальными проектами «Общеславянского лингвистического атласа» и национальных атласов практически всех славянских языков. Для русского языка эти проекты оказались особенно плодотворными, ибо (в отличие от многих других стран) советские диалектологи сосредоточились не только на лингвогеографических исследованиях, конечной целью которых было составление лингвистического атласа русских народных говоров и его специализированных и региональных «ответвлений» типа только что вышедшего «Лексического атласа русских народных говоров» [ЛАРНГ 2004] или оригинального «Лексического атласа Московской области» А.Ф. Войтенко [Войтенко 1991], но и на собственно словарной работе.

Концепция лингвистических атласов предполагала фронтальное обследование народных говоров всех регионов России. И уже в конце 40-х–начале 50-х годов в некоторых университетах и педагогических институтах России студенты и аспиранты под руководством опытных диалектологов начали планомерные записи народной лексики. Так, например, в Ленинградском государственном университете по инициативе Б.А. Ларина начала создаваться одна из крупнейших диалектных картотек в нашей стране – двухмиллионная ныне картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» полного типа (ПОС). Позднее к этой работе подключились и русисты Псковского педагогического института. Показательно, что в состав картотеки включены и материалы, собранные А.П. Евгеньевой именно для «Атласа русских народных говоров» (около 20 000 карточек). Вообще следует подчеркнуть, что лексикографические программы разных регионов России стали мощным стимулирующим фактором сотрудничества наших

вузов и Академии наук на почве русской диалектологии. Сотрудничество, которое продолжается несмотря на все политические изменения и катаклизмы нашего времени. Большую роль в координации и интенсификации этой работы сыграл «Проект словаря русских народных говоров» Ф.П. Филина (1961).

Благодаря неутомимой работе многих подвижников русская народная речь запечатлена теперь в более чем ста диалектных словарях, территориально охвативших не только все основные регионы России, но и русскоязычные диалектные зоны других государств (например, Белоруссии или Одесской области Украины). Не все лексикографические проекты пока завершены, но даже чрезвычайно трудоемкие словарные «сериалы» в последнее время значительно ускорили темпы своего продвижения вперед. К «двойному сорокалетию» главного редактора «Словаря русских народных говоров» Ф.П. Сорокалетова выпущен 40-й том этого тезауруса; 18-го выпуска дождались читатели ПОС'а, монументальный АОС не только обогатился после перерыва несколькими выпусками, но его составители издали и замечательное приложение к нему – «Обратный словарь архангельских говоров» [АОС-Обр.]. И конечно, каждый завершённый русский диалектный словарь становится и важной всхвой отечественной диалектографии, и большим праздником для любого знатока и любителя русской речи и культуры. «Словарь говоров Подмосковья» [Иванова 1969; Войтенко 1995], СПГ, СРГСУ, СРГСУ-Доп, НОС, ЯОС, СРГК, СРГНП, ... и другие завершённые словари стали неоценимыми источниками для работы языковедов, фольклористов, этнографов, историков, социологов, писателей и журналистов. Ведь при всем разнообразии принципов составления и разномасштабности всех наших диалектных словарей они являются многоформатным зеркалом жизни русского народа от первых летописных источников до постперере-

строечных мутаций нашей многострадальной деревни.

Именно таким «зеркальным треугольником» стали недавно (2005–2007 гг.) вышедшие в свет три сокровищницы русской диалектографии – «Словарь вологодских говоров» (СВГ), «Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР» (или актуализированное позднее название – «Словарь русских говоров на территории республики Мордовия» – СРГМ) и «Словарь смоленских говоров» (ССГ). Сокровищницами их можно назвать без преувеличения не только потому, что их лексика, в каждом из словарей насчитывающая не менее 30 тысяч русских диалектизмов, уложена в 10–12 выпусков, но прежде всего потому, что практически каждому слову здесь дано точное и адекватное толкование, грамматическая, акцентологическая и стилистическая характеристика, географическая проекция и яркие, свежие контекстные иллюстрации. Благодаря постоянной координации усилий с коллегами из Московского (особенно рабочих групп «Архангельского областного словаря», словаря говоров дер. Деулина 1989 и др.) и Петербургского диалектологических центров (групп СРНГ, ПОС, «Словаря Брянских говоров» (СБГ) и др.), а также указанным выше «исходным» диалектографическим проектам, структуры словарных статей в рецензируемых словарях весьма близки друг к другу, в чем легко убедиться, прочитав «Введения» к каждому из них. Структура словарей, построенных по алфавитному порядку, включает вокабульный раздел, учитывающий специфику слов практически всех частей речи и их вариантность. Заголовочное слово сопровождается указанием на грамматическую принадлежность и словоизменяемость (при ее наличии). За грамматической характеристикой во многих случаях следует стилистическая квалификация – в основном экспрессивно-оценочного типа. Затем следуют дефиниции – либо развернутого полужурналистического типа, либо при возможности являющиеся литературными синонимами диалектизмов. В необходимых случаях читателю предлагаются культурологические комментарии. В конце словарной статьи (или дефиниции одного из значений при полисемии) можно найти и ссылку на соответствующие диалектные синонимы к описываемой лексике. Такая «классическая» композиция словарной статьи позволяет комплексно описать русскую лексику и фразеологию Вологодчины, Смоленщины и республики Мордовии.

Приведем примеры типичных словарных статей (по соображением лимита места – наиболее компактных) для номинативной лекси-

ки, полностью сохраняя шрифтовую, акцентологическую и др. идентичность:

ХОЛОДНИК, *а, м.* Бочка, предназначенная для хранения холодной воды. В холоднике хранили студёну воду. По пять видёр входило. Арх. Вельск., Мелед. [СВГ, 11: 200].

ХОЛОДНИК, *а, м.* Майка. Вон холодник-ть висит нъ верёфки. Парень у меня фсё летъ ф холодники ходит (Гов, СШ). Ср. хевра [СРГМ, 8: 140].

ХОЛОДНИК, *а, м.* 1. То же, что **холодовка**. У пчии хъладник есь, дли сажи. ЯРЦ. Каменка. У печи чирис хъланник идеть дым. СМОЛ. Тягловщина; ДУХ., КРАСН., МОН., ПОЧ.

2. **Окрошка, холодный борщ**. Хъладник дужа укусный – с лукъм, яйцом, смитаный. ВЕЛ. Моклок. К абеду хъладник летъм харош – с яйцом, бураки слаткии. ДЕМ. Жеруны; повсем.

3. **Холодильник**. Хъланник купили. Жыть луччи стали. ДУХ. Верешковичи. У нас хъланник бърахлить. ГЛИНК. Добромино; СМОЛ.; ХИСЛ., Х.-Ж., ЯРЦ. [ССГ, 11: 66–67].

Неоценимы в такого рода словарных статьях и многие этнографические комментарии, либо эксплицированные авторами в примечаниях и глоссах, либо ставшие пластичным центром приводимых записей речи диалектоносителей. Вот, например, рецепты народной кухни, которые могут обогатить любой современный пищевой рацион, тем более, что он и дешевый, и вкусный: «*Бабка* бываить с мъкарон. Мъкарон заварииш, вадой прамыиш, абжариш, ячка заллеш. Пъставиш у духоуку – дельница *банка*» [ССГ, 1: 96]; «А ищѣ пикли мы *ботки*. *Ботки-та* у миня скустей, из гарохъ-въй муки пякла. Наложут *боткаф*, дъ с маслъм – вот где яда!» [СРГМ, 1: 46]; «*Сочень-то* разоскѣшь, по краям рубчиком загнѣшь, пюре накладѣшь и в печь – вот и *шаньга* тебе» [СВГ, 12: 69]. В последнем примере свободное словосочетание *сочень-то разоскѣшь* привлекает не только своей кулинарной «рецептурой», но и стремлением говорящего этимологически «расшифровать» слово *сочень* посредством *figura etymologica*. Вообще следует подчеркнуть во всех трех словарях обилие архаичной и региональной лексики, например: волог. *крестец* 'светец', морд. *кубула* 'кладбище' [СРГМ, 3: 95], смол. *ректа* 'место, где освящают воду' [ССГ, 9: 130] и др. Примеры фразеологических архаизмов и регионализмов см. ниже.

Этнографизм всех трех рецензируемых словарей – одна из самых сильных их сторон, поскольку именно эта особенность делает их ценнейшим культурологическим источником. Не

случайно в первом выпуске одного из них – «Словаря вологодских говоров» [СВГ, 1: 138–142] в качестве приложения даются простые, но весьма четкие рисунки некоторых важных предметов русской деревенской материальной культуры: русской печи, ткацкого станка, колодца, прялки, рассадника. Точные описания такого рода артефактов и процессов, характерных для трудовой деятельности русской традиционной деревни, читатель найдет во всех выпусках словарей. Чрезвычайно богата и лексикографически насыщена лексика, связанная с ритуалами, различными обрядовыми действиями, праздниками, мифологией, демонологией и т.д. Вот, например, фрагменты столь важной для быта прежней деревни народной духовной культуры, как игры, запечатленные в наименованиях: волог. *водить коня (мельницу)* [СВГ, 1: 75], *горюн* [СВГ, 1: 125], *диволадушка* [СВГ, 2: 26], *зубарики* [СВГ, 2: 178], *чиба* [СВГ, 12: 42], *чурюпалки* [СВГ, 12: 55], *играть в шарики* [СВГ, 12: 73] и др.; морд. *кулам* [СРГМ, 3: 99], *любососед* [СРГМ, 3: 138], *тарасан* [СРГМ, 8: 23], *хлопалки* [СРГМ, 8: 133], *шныр* [СРГМ, 8: 225], *подыграть под яйца* [СРГМ, 8: 245] и др.; смол. *адарка* [ССГ, 1: 64], *бикса* [ССГ, 1: 179], *взять (поддать) быка* [ССГ, 1: 304], *горелики, горельши* [ССГ, 3: 56], *гукали, гукалки* [ССГ, 3: 89], *царики* [ССГ, 11: 76], *щелбанец* [ССГ, 11: 165], *прятушки* [ССГ, 11: 269], *тузик* [ССГ, 10: 219] и др. Не правда ли – уже во внутренней форме самих этих названий просвечиваются и оригинальные образы, и – в какой-то мере – правила соответствующих игр.

Но конечно же, составители всех рецензируемых словарей дают и детализированное описание правил почти каждой из них. Это делается либо в дефиниции соответствующего игрового термина, либо – в пластичных контекстных иллюстрациях к ним. Так, вологодская игра *горюн* характеризуется составителями с предельной точностью: «Игра молодежи во время посиделок. Парень и девушка уединяются в каком-нибудь углу за шторкой. Пошептавшись, парень выходит и вызывает к девушке другого парня, на которого укажет девушка. Через некоторое время выходит девушка и приглашает к парню ту из присутствующих, которую он выбрал. Игра дает возможность свидеться с любимым человеком, познакомиться с тем, с кем хочется» [СВГ, 1: 125]. А описание правил одной из разновидностей игры в жмурки, записанной в русских говорах Мордовии, – *слепая сковорода*, – дается не менее подробно в иллюстративной части: «Раньшъ играли ф *слепую скъвъроду*: завяжут тее глаза-ти, ты бегай и ишчы пъ избе-ти. Ково пыманш, тот начнёт вадить, ёму завязывъют гла-

за» [СМГ, 7: 61]. И первый, и второй тип характеристики материальной и духовной культуры русской народной деревни нередко выступают в словарных статьях трех рецензируемых тезаурусов в симбиозе, дополняя друг друга и придавая дефинициям составителей особую жизненность; иллюстративно-цитатный материал тем самым выполняет не только собственно лексикографическую функцию экспликации значения слова, но и функциюкумулятивную, культурологическую.

При всем внимании к этнографическим деталям и старому народному быту составители не упускают возможности включить в словари и реалии современного быта и советского строя. Нередко это весьма беспощадные характеристики последнего, прорвавшиеся сквозь рогатки строгой цензуры недавнего времени. Вот несколько из них: «На двенадцать семей *закулачили*, в колхоз не брали, обобрали всё» [СВГ, 2: 125]; «Ф калхоз-ть мы ни пашли, нас аблажыли твёрдым заданием» [СРГМ, 8: 26]; «Двор-ть у нас на *чеснъм пианерском* стаит» [СРГМ, 8: 172]. А вот кратенькая, казалось бы, вполне безобидная, но чрезвычайно емкая фраза, напоминающая читателям о тотальном дефиците советского времени, особо осязаемым для жителей деревенской глубинки: «Учира у мъгазини мърмишель *дъвали*» [ССГ, 6: 80]. Именно «давали», ибо даже купленная на скудную крестьянскую пенсию «мармишель» казалась манной небесной: «Учира мърмишель варила, дужа укусный». В этих двух предложениях, иллюстрирующих слово *мармишель* 'вермишель', гораздо больше правды о прошлом, чем во многих объемистых исторических и политологических штудиях. И хотя такого рода контекстов, по вполне понятным причинам, во всех трех словарях и относительно немного, они будут наверняка востребованы всеми, кого продолжает волновать история советского периода. Некоторые из таких диалектографических свидетельств уже внесены в корпуса специальных словарей – например, «Толкового словаря языка Совдепии» [Мокисенко, Никитина 2005].

Номинативную сферу лексики, отраженной рецензируемыми словарями, следовательно, можно объективно назвать крупномасштабной и реалистической. Но не меньшее значение и, пожалуй, еще большую эстетическую значимость имеет экспрессивно-оценочная лексика и фразеология, запечатленная на страницах этих словарей. Только что вышедший оригинальный словарь М.А. Алексеенко и О.И. Литвинниковой «Человек в производных именах русской народной речи» [Алексеенко, Литвинникова 2007], во многом почерпнувший материал из двух интересующих нас

словарей (вологодского и смоленского), демонстрирует богатство оценочных номинаций человека. Не менее богата такая лексика и в «Словаре русских говоров республики Мордовия», вообще концентрированно ориентированного на такого рода языковые единицы. Вот лишь наугад выбранные негативные характеристики:

акуля 'нерасторопная, неумелая женщина' [СРГ, 1: 20], *валтузя* 'медлительный человек' [СРГ, 1: 59], *головочёс* 'франт, щеголь' [СРГ, 1: 119], *латрыга* 'пьяница' [СРГ, 3: 117], *люса* 'тот, кто плутует, мошенничает в карточной игре' [СРГ, 3: 138], *стрикулицт* 'легкомысленный, бесшабашный человек' [СРГ, 7: 154], *трупёрда* 'ленивая женщина' [СРГ, 8: 61], *ше́бол*, *шебол* 'неряшливый, нечистоплотный мужчина' [СРГ, 8: 203–204], *ярыжка* 'непоседливая девочка' [СРГ, 8: 248]... Ряды такого рода слов поистине бесконечны. Они поражают не только многоцветием семантических оттенков и коннотаций, но и неисчерпаемостью словообразовательных моделей, по которым создаются. И заслуга составителей рецензируемых словарей в том, что все эти оттенки канализированы словарными средствами и уже потому могут теперь вкушаться всеми ценителями народного слова.

Ориентация на этнографически маркированную и экспрессивно-оценочную лексику, характерную для данной региональной речи, проходит красной нитью через все три словаря. В какой-то мере это связано с избранным общим лексикографическим принципом каждого из них: это словари **дифференциальные**, т.е. включающие лишь регионально маркированную лексику избранных областей, а также ту часть слов и фразеологизмов, которая, при формальном совпадении с зафиксированными в толковых словарях русского языка единицами, обнаруживает семантические расхождения. Известно, сколько дискуссий в 60-е годы вызвала проблема выбора двух основоположных принципов отечественной диалектологии – **д и ф ф е р е н ц и а л ь н о г о** (Ф.П. Филин и его последователи) и **п о л н о г о** (Б.А. Ларин с его школой и некоторые другие диалектологи, например О.Г. Гецова). Время показало, что «чисто» дифференциальных, как и «чисто» полных диалектных словарей, в сущности и нет. Во-первых, даже дифференциальные словари предельно очерченных территорий – такие, например, как замечательные словари говоров Селигера (Селигер) или Рязанской Мещеры [Ванюшечкин 1983; 2002] включают немало элементов общеязыковой плоти описываемых диалектизмов. Во-вторых, самые полные словари – такие, как ПОС, не полны абсолютно, несмотря на миллионные картотеки, ибо жи-

вая речь находится в постоянном движении и полностью запечатлеть ее невозможно. Можно, однако, в каждом конкретном словаре стремиться к одному из двух названных принципов как к идеалу, не боясь отступать в необходимых случаях от принципа как догмы.

Именно так, в сущности, поступают составители всех трех рецензируемых словарей. Избран жанр дифференциального словаря, в нужных случаях, повинувшись внутреннему чувству опытных лексикографов, составители и редакторы не боятся включать в описываемую лексику и фразеологию единицы, прямо перекликающиеся с общенациональной русской лексикой. Так, в словарной статье БЕЛЫЙ, где для смоленской лексемы выделено пять дефиниционных позиций (158–159), первая – 'белолицый' несомненно является дифференциальной; вторая – 'светлого цвета (серого, светло-голубого)' полудифференциальной; третья – 'в названиях растений' практически соотносима с отмеченной в Большом академическом словаре (ср. в последнем составные термины *белая верба, белый мох, белая слива* и др.); четвертая – 'в названиях различных предметов, явлений' свою семантическую дифференциальность проявляет лишь в составе устойчивых словосочетаний различного рода (например, *белый волк, белая мясоед, белая земля*), но по сути является общей доминантной семантикой самого слова; пятая – 'название города, входившего в состав Смоленской губернии (Белый)' асемантическая, а в ономастическом спектре находит прямую переключку с общеизвестными топонимами типа *Белгород, Белград, Беларусь* и т.п.

Нужно еще раз подчеркнуть, что относительность разграничения дифференциального и полного в региональной лексикографии не подрывает основу для соответствующей общей ориентации и что во всех трех словарях в целом дифференциальный принцип последовательно выдержан. Более того, «отступления» от этого принципа стали даже, пожалуй, положительным моментом, обогатившим составляемые словари. Особенно это касается фразеологических корпусов смоленского, вологодского и «мордовского» словарей. При их «фразеокорпусном» сопоставлении оказывается, что именно квота включения общеязыковой лексики по принципу «полноты» сыграла весьма положительную роль. Так, бросается в глаза значительный количественный перевес народной фразеологии в «Словаре русских говоров на территории Мордовии» по сравнению со смоленским и вологодским словарями. Во многом, как кажется, такой перевес, значительно обогативший словник, обусловлен именно фиксацией общеязыковой лексики. Та-

ковы, например, соматизмы *голова, нога, рука, ухо* и т.п., которые, как известно, обрастают и в литературном языке, и в народной речи многочисленной фразеологией. В «Словаре вологодских говоров» [СВГ, 1: 118] под стержневым компонентом **ГОЛОВА** находим лишь 3 фразеологизма: *голова не уверчена* 'о незамужней женщине', *во всю голову (головушку, рот)* 'громко, во всеуслышание' и *вышняя голова* 'то же, что 1. **большак** (т.е. 'старший в доме, глава семьи, муж')'. В «Словаре смоленских говоров» [ССГ, 3: 44] вокабульная лексема **ГОЛОВА** дефинируется в 1-м значении предельно просто – «Голова», которое иллюстрируется исключительно фразеологизмами: *головой тронуться (натронуться, побунтоваться, потревожиться)* 'сойти с ума, лишиться рассудка', *головой крутить* 'думать, беспокоиться', *покопать в голове* 'подумать', *голова копылом* 'о глупом человеке', *бить (побить) голову* 'надоедать расспросами', *разбить (отбить) голову* 'побить, наказать', 'надоесть разговорами', *голову занести* 'убить', *клумить голову* 'приставать, надоедать', *ломать голову (головушку)* 'танцевать', *на всю голову (плакать, кричать)* 'очень громко' и т.п.). Еще богаче ассортимент фразеологизмов в «Словаре русских говоров на территории Мордовии» [СРГМ, 1: 118–119], особенно если учитывать тщательно систематизированные отсылочные указания на другие лексемы: *ала-ла в голову лезет* 'что-л. нелепое, тяжелое появляется в сознании', *брать в голову* 'обращать внимание', *взять в голову* 'понять, извлечь урок', *в мёртвую голову* 'беспробудно, очень крепко (спать)', *впасть в голову* 'прийти в голову, дойти до сознания', *вскостить в голову* 'засесть в голову, укрепиться в сознании', *голова перемётывается у кого* 'кто-л. испытывает головокружение', 'кто-л. не знает, как поступить, не может принять определенного решения', *голова скатывается* 'о сильной головной боли', *голова турманом у кого* 'кто-л. теряет способность соображать от множества забот', *голову завязать* 'оказаться в тяжелом, бедственном положении', *голову туманить/затуманить кому* 'вводить в заблуждение, морочить голову', *как мушкарным по голове* 'о неожиданном, ошеломляющем известии', *не в голову кому* 'не догадаться, не сообразить', *остричь с головы до пяток кого* 'строго наказать', *поверх головы* 'о способе ношения платка, концы которого завязываются на голове сзади', *стакан воды на голове пронесёт* 'о степенной, плавной походке', *сысуй в голове у кого* 'кто-л. недостаточно умен', *чёрт голову своротит* 'об отсутствии порядка где-л.', *яйцо на голове пронесёт* 'о степенной, плавной походке'.

Легко увидеть, что такой количественный перепад в трех словарях закономерен, приведя любой другой соматический ряд фразеологизмов – *нога, рука, ухо* и т.п. Это показывает, что при элиминации общерусской лексики на основе дифференциального подхода компромиссы в сторону полноты описания отдельных лексем не только возможны, но и закономерны, – причем в разной степени даже для словарей близкого типа. При количественном пересладе фразеологизмов с соматическими компонентами принцип дифференциального словаря в компонентной лексической части остается тем не менее выдержан, ибо либо такие компоненты, как репрезентанты общелитературной русской лексики, вообще не дефинируются, либо дефинируются «тавтологически», поскольку их лишь используют как «стержневой» инструментальной соответствующей фразеологии. Имплицитно, однако, слова эти, конечно же, сохраняют общезвестную семантику, весьма четко просвечивающую в большинстве внутренней формы описываемых фразеологизмов. И здесь – слава Богу – практические решения опытных лексикографов преобретают большую доказательную силу, чем общие теоретические постулаты.

Фразеология в диалектных словарях – в том числе и в рецензируемых – заслуживает особого лексикографического рассмотрения. И здесь при общности подхода обнаруживаются также различия, вызванные и составом информантов, и предрасположенностью диалектологов к фразеологии как сугубо экспрессивной части словарного состава, и специализированностью описания, и чисто технической возможностью составителей. Как представляется, фразеологический корпус наиболее активно, системно и целенаправленно разработан в «Словаре русских говоров на территории республики Мордовия». Во всех выпусках читатель обнаружит целые россыпи ярких народных выражений самой различной структуры, семантики и образности. Так, устойчивые народные сравнения в этом словаре представлены с исключительной полнотой:

(повязаться, собратся и т.п.) *как акуля* 'о некрасиво, неряшливо, неумело одетой, повязанной женщине' [СРГМ, 1: 20; 6: 98]; *как бабка отворожила* 'о чем-л. (напр., посещениях кого-л., вредных привычках и т.п.) неожиданно прекратившемся' [СРГМ, 1: 23], *носиться как басарга* 'о непоседливом, юрком, вертлявом человеке (обычно о ребенке)' [СРГМ, 1: 30], *благушей кричать* 'громко плакать, плакать навзрыд, всхлипывая' [СРГМ, 1: 40], *как борона боронить* [СРГМ, 1: 44], *как бык мирской* [СРГМ, 1: 56], *драть дёркой что* [СРГМ, 2: 18], *дигилём расти* 'о неправильном, иска-

женном выговаривании, произнесении слов' [СРГМ, 2: 22], (вымахать) как *дигель* 'об чрезмерно худом и высоком молодом человеке' [СРГМ, 2: 22], *идти как дрын надутый* 'о важном, спесивом, чванливом человеке' [СРГМ, 2: 41], *шататься как кадыха* 'о женщине, которая любит бродить (обычно без дела, без цели)' [СРГМ, 3: 11], как *горячий камень* 'очень трудно, тяжело кому-л.' [СРГМ, 3: 18; 6: 121], *сидеть как в кандее* 'о человеке, пребывающем в замкнутом пространстве, чувствуя себя несвободным (напр., в больнице)' [СРГМ, 3: 19], *идти как копёшка* 'об излишне много надевшей на себя одежде женщине' [СРГМ, 4: 58], *надоесть [кому] хуже лихорадки* 'о ком-л., чем-либо (напр., человеке, птице, пище и т.п.), крайне надоевшем, опротивевшем кому-л.' [СРГМ, 4: 66], как *лягоша* 'о нигде не работающем человеке' [СРГМ, 4: 87], (лежать) как *лягоша* 'о ленивом человеке' [СРГМ, 3: 139], *расплакаться как мордовская невеста* 'о плачущей часто и без причины девушке или женщине' [СРГМ, 7: 34], как *обнять кому что* 'о впору, точно подходящей кому-л. по размеру одежде' [СРГМ, 5: 21], как *самыги* 'о непослушных, проказливых детях, шалунах' [СРГМ, 7: 17]...

Лишь неизбежный лимит рецензионного места не позволяет здесь привести предлагаемых составителями словаря для многих из приводимых сравнительных оборотов комментариев различного рода, дающих оценку их оригинальной образной основы и делающих более точными дефиниции. Столь же яркие и отраженные словарем народные выражения других структурных типов, например: *андрон сел на кого* 'у кого-л. плохое настроение' [СРГМ, 1: 21], *ставить берёзу* 'делать стойку на руках в воде, высунув из воды ноги' [СРГМ, 7: 131], *без винта в стену влезет* 'о ловком, предприимчивом человеке' [СРГМ, 1: 79], *сорваться с дуба* 'потерять выдержку, самообладание' [СРГМ, 7: 108], *с ебулызинкой* 'о глуповатом человеке' [СРГМ, 2: 45], *есть из сорока печей* 'питаться за чужой счет, часто бывая в гостях у разных людей' [СРГМ, 7: 109], *не завязывать хвоста* 'ходить из дома в дом без дела' [СРГМ, 2: 70], *заняться чужбинкой* 'изменить мужу, жене' [СРГМ, 2: 87] и др.

Не менее яркие образчики народной фразеологии находим и в словарях вологодских и смоленских говоров. Они хорошо отражают региональную специфику описываемых единиц. Устойчивые сравнения в этих словарях не только выделяются в особую позицию, но и нередко инкрустируются в иллюстративный материал, из которого читатель и рецензент может почерпнуть немало:

Волог.: *сидеть как барка* 'о важно, вальяжно сидящей женщине' [СВГ, 1: 22], *идти дроздом* 'о растениях, дающих много побегов, кустящихся' [СВГ, 2: 57], *ходить жихарем* 'о мужчине, живущем с какой-л. женщиной вне законного брака' [СВГ, 2: 90], *сидеть дома как кокушка* 'о женщине, постоянно сидящей дома, домоседке' [СВГ, 3: 81], *ходить как куль в отрепьях* 'о бедно, плохо одетом человеке' [СВГ, 4: 18], *нести как на (в) воде* 'о спешащем, торопящемся человеке' [СВГ, 5: 105], как *нелизанный телёнок* 'о непричесанном, растрепанном человеке' [СВГ, 5: 95], *жёлтый как яшница* 'о чем-л. (напр., видах пищи) желтого цвета' [СВГ, 8: 72], *сидеть как на воробах* 'о человеке, чувствующем себя неловко, неудобно в какой-л. ситуации' [СВГ, 10: 5–6], (вымя) как *скалина* 'о чем-л. (напр., коровьем вымени) затвердевшем, загрубевшем' [СВГ, 10: 14], *хлеб стулом* 'о зачерствевшем, затвердевшем хлебе' [СВГ, 10: 147] и др.;

Смол.: как *ардюк* 'об очень здоровом человеке' [ССГ, 1: 82], как *вад кого водит* 'о человеке, который заблудился в лесу или болоте' [ССГ, 2: 12], *трубить як жёрав* 'о резко, монотонно повторяющем что-л. человеке' [ССГ, 4: 19], *нести что как лабуда* 'о болтающем чепуху человеке' [ССГ, 6: 6], *чёрен как грачок* 'об испачкавшемся в грязи, неопрятном ребенке' [ССГ, 6: 73], *бегать туда-сюда как матроха* 'о беспокойно, беспорядочно и суетливо бегающей женщине' [ССГ, 6: 84], как *дитёнок* 'о глуповатом человеке, простофиле' [ССГ, 7: 79], *ободрать кого на голубую белку* 'огрбить, разорить кого-л. до нитки' [ССГ, 7: 132], *бегать как халоумный* 'о быстро, бессмысленно и хаотично бегающем человеке' [ССГ, 11: 44], *змёрзнуть як цуценя* 'об очень замерзшем, продрогшем от сильного холода человеке' [ССГ, 11: 93], *вода [чистая] как ясец* 'об очень чистой, прозрачной воде в каком-л. водоеме' [ССГ, 11: 179] и др.

Столь же оригинальны и регионально маркированы и фразеологизмы других структурно-семантических моделей:

Волог.: *алилюшки разводить* 'разговаривать о чем-л. несерьезном, незначительном, болтать вздор, пустяки' [СВГ, 1: 15], *барабошку нести* 'разговаривать о чем-л. несерьезном, незначительном, болтать вздор, пустяки' [СВГ, 1: 21], *давать/дать вытряску кому* 'ударами причинять боль кому-л., избивать кого-л.' [СВГ, 2: 8], *насопиться в дрезину* 'напиться пьяным' [СВГ, 2: 55], *Жёлви тебе на язык!* 'требование замолчать, перестать говорить' [СВГ, 2: 81], *кошачьи злыдни чего* 'о крайне малом количестве чего-л.' [СВГ, 3: 115], *ни кола ни рямотки у кого* 'то же, что ни кола ни двора' [СВГ, 3: 81], *коромысло в спине заросло*

у кого 'о ленивом человеке' [СВГ, 2: 145], *лозгом взято* 'о беспорядке в чем-л.' [СВГ, 4: 44], *ни водяного нет* 'нет совсем, ничего нет' [СВГ, 5: 105], *невъмятый язык* 'о ленивом человеке' [СВГ, 5: 89], *оставить пуговицу* 'сделать кого-л. беременной' [СВГ, 6: 79], *травы не одерёт* 'о тихом, скромном человеке' [СВГ, 6: 30], *отойти под черепку* 'сгнить, испортиться' [СВГ, 6: 95] и др.

Смол.: *ходить по нищей братии* 'просить милостыню, побираться' [ССГ, 11: 64], *шалёные капли* 'водка' [ССГ, 11: 124], *ходить по костях* 'быть свободной, просторной (об одежде)' [ССГ, 11: 64–65], *ходить по старцам* 'просить милостыню, побираться' [ССГ, 11: 64], *дать (задать) файеру кому* 'наказать, дать нагоняй' [ССГ, 11: 38], *ходить на хабарах* 'праздно проводить время' [ССГ, 11: 64], *цот в цот* 'точь-в-точь, очень точно' [ССГ, 11: 91], *цотка в цотку* 'точь-в-точь, очень точно' [ССГ, 11: 91] и др.

Все эти словари можно назвать сокровищницей русской народной речи потому, что диалектологи, собиравшие народную лексику и вложившие ее в емкие шкатулки лексикографических выпусков, исключительно бережно отнеслись к каждому характеризуемому слову. Составители и редакторы стали гранильщиками словесных самоцветов. И поэтому нельзя в заключении не назвать хотя бы части тружеников нашей региональной лексикографии.

«Словарь смоленских говоров», начатый в 1956 г. под руководством С.А. Фессалоницкого, с 1957 года длительное время продолжался под руководством А.И. Ивановой, затем – и Л.З. Бояриновой, а Е.Н. Борисова совместно с Л.З. Бояриновой и А.И. Ивановой были редакторами третьего выпуска смоленского словаря. О.И. Бычкова, Л.В. Граве, Е.Я. Довгань, В.С. Картавенко, И.А. Королёва, В.Е. Марусанова, Н.Н. Новикова, Т.А. Павлюченкова, Е.Н. Тарасова, В.А. Щербникова – составители разных выпусков...

«Словарь русских говоров на территории Мордовии» начинался в 1962 г. Ответственные редактора разных выпусков – Т.В. Михалева, Р.В. Семенкова, Л.К. Чикина. Составители – Э.С. Большакова, А.И. Витов, Ф.В. Караулова, Н.П. Кудряшова, Л.В. Маркина, Т.В. Михалева, Е.В. Назарова, Ф.Г. Расстегаева, Р.В. Семенкова, Л.К. Чикина.

«Словарь вологодских говоров», сбор диалектной лексики для которого был начат в 1963 году, завершается 12-м выпуском [СВГ, 12], справедливо посвященным 80-летию Татьяны Георгиевны Паникаровской – инициатору его создания, бессменному редактору и составителю словарных статей для всех его вы-

пусков. Словарь этот стал памятником ушедшей, увы, из жизни Подвижнице живого слова Вологодчины. И он по праву украшен на шмуцтитуле вдохновенным портретом Т.Г. Паникаровской. На шмуцтитуле же последней страницы обложки словаря читатель видит лица всех составительниц словаря: Е.П. Андреевой, Р.Ф. Богачевой, Е.Н. Варниковой, С.Б. Виноградовой, Г.А. Дружининой, Л.Ю. Зориной, Е.Н. Ивановой, С.Н. Ипатовой, Л.М. Козневой, Н.В. Комлевой, Л.П. Ларионовой, О.И. Новоселовой, Т.Г. Овсянниковой, Т.В. Парменовой, Е.Н. Шабровой, Л.Г. Яцкевич, внесших свою лепту в составление словаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеевко, Литвинникова 2007 – М.А. Алексеевко, О.И. Литвинникова. Человек в производных именах русской народной речи. Словарь. М., 2007.
- АОС 1–12 – Архангельский областной словарь. Вып. 1–12 / Под ред. О.Г. Гецовой. М., 1980–2004.
- АОС-Обр. – Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О.Г. Гецовой. М., 2006.
- Ванюшечкин 1983 – В.Т. Ванюшечкин. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. Т. 1: А–Н. Воронеж, 1983.
- Ванюшечкин 2002 – В.Т. Ванюшечкин. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. Т. 2: О–Я. Материалы по русской диалектологии. Саратов, 2002.
- Войтенко 1991 – А.Ф. Войтенко. Лексический атлас Московской области. М., 1991.
- Войтенко 1995 – А.Ф. Войтенко. Словарь говоров Подмосковья. Вып. 1: А–Ж. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.
- Деулинский словарь 1969 – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969.
- Иванова 1969 – А.Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
- ЛАРНГ 2004 – Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2004.
- Мокиенко, Никитина 2005 – В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии: ок. 10 000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.
- НОС 1–13 – Новгородский областной словарь / Сост. В.П. Строгова, А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова и др.; Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1991–1999.

- СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / Науч. ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда, 1983–2007.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–18. Л.; СПб., 1967–2007.
- СБГ – Словарь брянских говоров. Вып. 1–5. Л., 1976–1988.
- Селигер – Материалы по русской диалектологии. Словарь / Сост. С.Н. Варина, Н.В. Богданова, З.А. Петрова / Под ред. А.С. Герда. Вып. 1: А–Г. СПб., 2003; Вып. 2: Д–И. СПб., 2004.
- СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1: А–Н. Пермь, 2000; Вып. 2: О–Я. Пермь, 2002.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРГМ – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (республики Мордовия). Т. 1–8. Саранск, 1978–2006.
- СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1: Аблемай – ошупя / Под ред. Л.А. Ивашко. СПб., 2003.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1991.
- СРГСУ-Доп. – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург, 1996.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколстова. Вып. 1–40. Л.; СПб., 1965–2006–.
- ССГ – Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11 / Отв. ред. Л.З. Бояринова, А.И. Иванова. Смоленск, 1974–2005.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 1–8. Ярославль, 1981–1989.

В.М. Мокиенко